

Г. С. КЛЫЧКОВ

ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ФОНЕМА *s КАК КОРРЕЛЯТ ЛАРИНГАЛЬНЫХ

Для индоевропейской фонемы *s очень характерно изменение в заднеязычный глухой спирант [x] или [h]. Оно не наблюдается, однако, в тех языках, где возникало [x] или [h] другого происхождения. Сюда относятся хеттский, имевший фонему *ḫ*, восходящую к индоевропейскому ларингальному, итальянские языки, где *h* восходит к индоевропейскому звонкому придыхательному *gh* фракийский и германские языки, испытавшие сдвиг *k* в *h*.

Проследим развитие *s в различных индоевропейских языках. В индо-иранском *s давал шипящий *š* после *i*, *u*, *r*, *k*. Так, мы имеем в этой позиции древнеиндийский какуминальный *ṣ*, авест. *š*, например др.-инд. *vakṣyāmi* «я буду говорить», авест. *vaḥšya*, где *k* дал спирант *x* по ассимиляции. *s после *ā* в абсолютном конце слова давало *h* (visarga). В доиранском индо-иранское *s в начале и середине слова в большинстве случаев дало *h*, например авест., др.-перс. *hama-* «равный», др.-инд. *sāma*, авест. *ahi*, др.-перс. *ahy* «ты есть», др.-инд. *āsi*. В абсолютном начале слова доиранск. *š* < *s* представлено как *xš*: авест. *xštat* «стоит», др.-инд. *ā-sthāt*, авест. *xšma*, др.-инд. *yusma*¹. Сдвиг *s* в *h*, возникший в индо-иранском и получивший полное развитие в иранском, в санскрите отсутствует. Ряд диалектов, особенности которых нашли свое отражение в языке Ригведы, испытали сдвиг *bh*, *dh*, *gh*, *jh* > *h* в интервокальной позиции². Развитие *s* в сторону *h* после этого уже не проявлялось, и под влиянием субстрата туземных языков Индии первоначальный *s становится какуминальным *ṣ*. Изменение *bh*, *dh*, *gh*, *jh* в *h* также не получило развития, и во многих случаях звонкие придыхательные были сохранены или даже восстановлены. Возможно, что так же, как и в случае с *s*, здесь произошла замена индоевропейских звуков звуками, заимствованными из дравидийских или других туземных языков³. Таково было развитие в ряде диалектов, на основании которых сложился классический санскрит. В некоторых диалектах тенденция перехода *s* в *h* проявляется. Так, например, она отмечается на острове Цейлоне в древнесингалезском языке, памятники которого сохранились с VIII—X вв. н. э. В сингалезском *s* и *h* являются вариантами одной фонемы, причем *s* встречается в ударном слоге, а *h* — в безударном. Исследователь этого языка С. Паранавитана пишет: «Изменение *s* в *h* зафиксировано уже древнейшими памятниками. Сингалезский, по-видимому, развил эту черту сильнее, чем другие индоарийские диалекты, и она, вероятно, характеризовала язык древних переселенцев с севера, которые были предками современных сингалезцев»⁴.

На материковой Индии изменение *s* в *h* отмечается повсеместно в раз-

¹ См. Ch. Bartholomae, Grundriss der iranischen Philologie, Abschnitt I. — Sprachgeschichte, Strassburg, 1901, § 86.

² A. Meillet, Les consonnes intervocaliques en Védique, Bd. 31, 1912, стр. 120 и сл.

³ См. S. K. Chatterji, The origin and development of the Bengali language, vol. 1, Calcutta, 1926, стр. 34—35, 37—38.

⁴ S. Paranavitana, Sigiri graffiti, London, 1956, § 288.

ных фонетических условиях в среднеиндийский период (период *Arahaṇṣa*)¹. Можно предполагать, что ослабленное, близкое к *h*, произношение *s* первоначально было свойственно всей группе индоевропейских диалектов в Индии. Впоследствии такое произношение сохранялось вплоть до среднеиндийского периода в отдельных диалектах, не получавших письменной фиксации. В индийских языках, следовательно, влияние субстрата и структурное воздействие частичного сдвига звонких придыхательных в *h* приостановили развитие *s* в *h*. Однако затем это изменение получило распространение из периферийных диалектов.

В армянском индоевропейское **s* сохраняется перед *t*, *k* и перед *x* (из более раннего *kN*²) и в некоторых других случаях, например: арм. *sterĭ* «яловый», др.-инд. *starṣṭi*, арм. *sxalem* «блуждаю», др.-инд. *skhālate* «он блуждает» и т. д. Перед гласным в начале слова **s* либо выпадает, либо отражается как *h*: арм. *hin* «старый», лат. *senex*, арм. *evt'n*, др.-инд. *sapta* «семь», арм. *ał* «соль», лат. *sal*. Между гласными **s* выпадает, например арм. *k'oir* «сестра», др.-инд. *svāsa*. В этом же примере представлен переход *su* > *kʷ* в начале слова. В конце слова после гласной **s* в армянском отпадает, предварительно перейдя в *h*. Следует отметить, что в армянском как *h* отражается (помимо **s*) и индоевропейский ларингальный (ср. хет. *huḫa* «дед», арм. *haw*).

Индоевропейское **s* сохраняется в хеттском языке (сочетание хеттского *t* любого происхождения с **s* дает аффрикату *z*), например, хет. *ešmi*, др.-инд. *āsmi* «я есть» и т. д.

В греческом **s* остается неизменным перед взрывными глухими согласными, после *ρ*, *λ*, в конце слова и в некоторых других случаях: греч. *ἵστα* «он сидит», др.-инд. *āstē*, греч. *ῥοσσ* «роща», ст.-слав. *лѣсъ*, греч. *ἵππος* «лошадь», др.-инд. *āśvaḥ*. В начале слова перед гласными и перед сонантами **s* дает *h* с последующим выпадением *h* (<*s*) перед сонантами, перед *t* же **s* иногда остается, например греч. *ῥας* «соль», лат. *sal*, греч. *ἵστημι* «я ставлю», лат. *sisto*. В интервокальном положении *h* < *s* выпадает, например *ἦν* «я был», др.-инд. *āsam*. Весьма вероятно, что в прагреческом *s* и *h* являлись вариантами одной фонемы³.

В албанском индоевропейское **s* не сохранилось ни в одной позиции как [s]. В начале слова оно проявляется как *š*, *h*, *ġj*, *th*, которые являются отражением более раннего *x* [<**s*], например алб. *šate* «мотыга», ст.-слав. *сека* «секу», алб. *helk* «я тащу», греч. *ἔλκω*, алб. *gjarper*, «змея», др.-инд. *sārpami* «я пресмыкаюсь», алб. *gjak* «кровь», ст.-слав. *соукъ*, алб. *than* «сохну», ст.-слав. *содухъ* и т. д. Сдвиг индоевропейского *k* в *x* [kh] по всей вероятности воспрепятствовал изменению *s* в том же направлении во фракийском языке, где **s* либо остается неизменным, либо озвончается. Ср. фрак. *zar-* из и.-е. **qor-* «войско; война», гот. *harjis* «войско» и фрак. *auza-* из и.-е. **awes-/aus-* «утренняя заря», др.-инд. *uṣaḥ*, лат. *aurora*.

В славянском, так же как и в индо-иранском, **s* после *r*, *k*, *i*, *u* отражается как [x], дававшее [š] перед гласными переднего ряда, например ст.-слав. *мѣхъ*, литовск. *blusá*, ст.-слав. *мохъ* «мох», лат. *muscus*, ст.-слав. *мышь*, греч. *μῦς* «мышь», ст.-слав. *лѣчь* «гряда», литовск. *lyse* и т. д.

В кельтских языках и.-е. **s* частично перешло в *h*, частично сохранилось как *s*. В галльском и древнебриттском языках предполагается наличие слабо артикулированного звука, среднего между *s* и *h*, но на письме отраженного как *s*. Сохранившийся в ирландском звук [s] произносится с палатализацией как [š] перед губным в начале слова, ирл. *h* < *s* имеет вариант [x']. В начале слова перед гласным **s* сохраняется в ир-

¹ См. S. K. Chatterji, указ. соч., стр. 19.

² Через *H* обозначен ларингальный.

³ См. W. Merlingen, Das «Vorgriechische» und die sprachwissenschaftlich-vorhistorischen Grundlagen, Wien, 1955. Ср. рецензию Вяч. В. Иванова на книгу В. Мерлингена (ВЯ, 1955, № 6, стр. 125).

ландском, но в предложении может быть ослаблено до *h*; в бриттском из вариантов *s/h* победил вариант *h* приблизительно в начале римского господства, например ирл. *sam* «лето», валл. *haf*, корн. *haf*, брет. *hanv*; ср. др.-в.-нем. *sumar* «лето», др.-инд. *sáma* «год», ирл. *sesc* «сухой», валл. *hysb*, брет. *hesp*; ср. авест. *hišku* «сухой» и т. д. Переход *s > h* характерен также и в других позициях.

В итальянских языках **s*, так же как и в германских языках, остается неизменным, если отвлечься от явлений синкопирования, озвончения и связанного с ним ротацизма. Факт отсутствия в итальянских и германских языках сдвига *s* в *h* объясняется, если рассматривать фонологическую систему этих языков в целом. **s* не могло здесь развиваться в сторону заднеязычного глухого спиранта, так как в том же направлении изменялись в указанных языках индоевропейские гуттуральные; ср. и.-е. *gh >* лат. *h*, например лат. *hostis* «враг», гот. *gasts*, русск. *гость*, и.-е. *k >* герм. *h*, например греч. *δέκα*, гот. *taihun* «десять». Таким образом, в германском и итальянском столкнулись две фонетические тенденции, причем одержала верх региональная итало-германская тенденция.

За исключением хеттского, фракийского, итальянских и германских языков, везде в различных позиционных условиях первоначальное **s* давало звук типа [x], который либо палатализовался и давал шипящий, либо переходил в придыхание [h], либо, наконец, оставался заднеязычным щелевым [x]. И при отражении **s* как шипящего *š* последний артикуляторно остается близок к заднеязычному спиранту (ср. выше, например, авест. *xštat*). Подробнее фонетический процесс мы можем представить следующим образом. Первоначальное **s* приобретало все более заднюю артикуляцию и ослаблялось до [x]; одновременно могла происходить палатализация [x] в [x']. При дополнительной палатализации после *k* или сонантов в индо-иранском и между гуттуральным или сонантом и гласным переднего ряда в славянском это [x'] становилось трудным для произношения, теряло заднеязычную артикуляцию и переходило в шипящий с переднеязычной артикуляцией. Подобный процесс превращения заднеязычного в переднеязычный под воздействием палатализации мы видим в некоторых северорусских говорах, где сильно палатализованное [k'] дает [t'], например [жат'этка] вместо [жак'этка]. Логически столь же возможен и процесс [s] > [š] > [x], предполагаемый А. Мартине¹, однако линия развития [s] > [x], [h] при [s] > [x'] > [š] в палатализирующей позиции более вероятна. Прежде всего тенденция [s] > [x], [h], как следует из приведенного выше материала, распространена гораздо шире. Изоглосса [š] идет по палатализирующим языкам (типа *satəm*)² и безусловно связана с палатализацией. В славянских языках мы имеем [š], а не [x] перед гласными переднего ряда (ср. *мехъ*, но *мышь*), т. е. как раз в позиции, где обычно наблюдается палатализация. Индо-иранское *š* после сонантов и *k* также хорошо объясняется палатализирующим воздействием последних. Более позднее произношение **s* и его палатализация — это две стороны одного и того же процесса, хотя для превращения первоначального **s* в шипящий в славянском требуется большая ступень палатализации, чем в индо-иранском: в славянском шипящий возникает после сонантов и *k* перед гласными переднего ряда, в индо-иранском — вне зависимости от воздействия последующего гласного. Трудно сомневаться в том, что описанная тенденция имеет общиндоевропейский характер. Она проявляется в очень широких хронологических и географических рамках — от индо-иранского до кельтских языков начала нашей эры. В целом ее распространение шло, видимо, по направлению с юго-востока на северо-запад, по диагонали евразийского материка.

¹ См. А. Мартине, Concerning some Slavic and Aryan reflexes of the Indoeuropean *s*, «Words», vol. 7, № 2, 1951; его же, Économie du changement phonétique, Berne, 1955.

² А. Meillet, Dialectes indo-européennes, Paris, 1922, стр. 3.

Какими причинами было вызвано возникновение этой тенденции? В индоевропейском не было, как известно, заднеязычного глухого спиранта [x], он развился позднее либо из *s, либо в отдельных словах очень ограниченной семантической группы из сочетания k с ларингальным (например, в индоевропейском глаголе «хихотать» — др.-инд. *kakhati*, греч. *κακαζω*, арм. *хаханкх*, ст.-слав. *хохотъ*). Это немногие слова по преимуществу звукоподражательного характера, и они не могли оказать существенного влияния на систему языка. Представляется абсолютно несомненным, что возникновение в индоевропейских диалектах тенденции [s] > [x], [h] связано с существованием или возникновением лакуны в индоевропейской фонологической модели на месте заднеязычной глухой щелевой артикуляции.

Очень важно с этой точки зрения, что индоевропейский *z — звонкий вариант *s, возникавший перед звонкими взрывными, — хотя и палатализуется в *ž* в индо-иранском, но нигде не отражается как заднеязычный звонкий спирант, так как близкая артикуляция уже имела у так называемого звонкого придыхательного (спиранта?) *gh*.

Если индоевропейские языки не имели в какой-то определенный период [x] или [h], то очевидно, что любая «ошибка» в произношении *s, заключавшаяся в отведении языка назад, не вызвала нарушения коммуникации и, следовательно, не исправлялась языковым коллективом, так как смещения с какой-либо другой фонемой возникнуть не могло. Так возникала фонетическая тенденция ленизации и палатализации *s, приводившая к изменениям, конечными результатами которых были [x], [h], [š]. Если предположение В. Мерлингена¹ о более заднем и палатализованном произношении индоевропейского *s верно, то указанная тенденция становится еще более вероятной.

Можно задаться вопросом, почему же проявилась тенденция сдвига именно в сторону [x]: ведь в индоевропейском равным образом не было, по всей видимости, и зубного спиранта *β*. Думается, это можно объяснить тем, что заднеязычная спирантная артикуляция не была абсолютно чужда укладу органов речи в индоевропейском языке-основе. В индоевропейском существовал «ларингальный» или ряд «ларингальных» фонем. Некоторые данные заставляют предполагать, что ларингальные приближались артикуляторно и акустически к заднеязычному спиранту, поэтому возникновение и распространение в различных индоевропейских диалектах тенденции [s] > [x], [h] представляется возможным связать с процессом выпадения ларингальных.

В компаративистике последних десятилетий в качестве рефлексов ларингальных рассматривается, помимо возникновения долгих гласных, также появление в индо-иранском, греческом и других языках ряда глухих придыхательных, появление протетической гласной в греческом, закон Хольцмана в германских языках. Нетрудно заметить, что хронологические рамки, к которым могут быть приурочены эти явления, хорошо согласуются со временем появления тенденции сдвига в сторону заднеязычной артикуляции у индоевропейского *s. Е. Курилович рассматривает возникновение *ph*, *th*, *kh*, из *pH*, *tH*, *kH* как индо-иранское явление². Тенденция образования заднеязычного глухого спиранта из *s также, видимо, проявилась именно в позднем индо-иранском. Возникновение протетической гласной в греческом из ларингального и переход начального *s*- в густое придыхание — это также явления хронологически близкие. Хаммерих показал, что в греческом существовало систематическое противопоставление начальных *am*-, с одной стороны, и *m*-, *hm*- < *sm*-, с другой³. При этом то, что процессы перехода *s в придыхание и вокализация

¹ См. W. Merlingen, указ. соч., стр. 27.

² J. Kuryłowicz, *Études indoeuropéennes*, Kraków, 1935, стр. 46—56, 54—255.

³ L. L. Hammerich, *Laryngeals before sonants*, København, 1948, § 5.

ларингальных в протетический гласный были хронологически смежными, доказываются некоторыми случаями, когда и.-е. *s отражается как протетическая гласная, например греч. ὀλιστανω «я скольжу» от и.-е. корня *sleidh-; ср. др.-англ. *slidan* «скользить», русск. *след*; ср. также формы без протезы (греч. λείος «гладкий», λείμας «слизняк»). Здесь обычный случай беглого s-, которое перешло перед сонантом в h и потом отпало. Так как процесс возникновения протетического гласного из ларингального был еще достаточно живым в языке, начальное -λ- с выпавшим перед ним придыхательным было воспринято как -λ- с выпавшим ларингальным.

Если с исчезновением ларингальных связаны такие далеко отстоящие друг от друга явления, как закон Хольцмана и возникновение глухих придыхательных внутри индо-иранской группы, то очевидно, что это исчезновение происходит на базе уже отделившихся индоевропейских языков. Данные о времени появления в отдельных индоевропейских языках тенденции перехода *s в [x], [h] косвенно подтверждают это.

В целом для индоевропейских языков оказывается справедливым правило, согласно которому тенденция перехода s в h проявляется там, где произошло выпадение ларингальных или их заднеязычных щелевых рефлексов и ни одна из других фонем не испытывала сдвига в том же направлении. Изменение типа [s] > [h] закономерно следует в индоевропейских языках за выпадением ларингальных. Процесс выпадения ларингальных косвенно, через фонологическую систему языка, отражается на возникновении сдвига *s в заднеязычный глухой спирант. Из сказанного, конечно, не следует, что теоретически, при любых условиях, в языке, где отсутствуют [h] или [x], [s] должно дать [h] или [x]. Нам представляется, что возникновение такой тенденции в индоевропейских языках объясняется конкретными чертами праязыковой фонетической системы, где *s и ларингальные, объединяясь по способу образования как спиранты, имели большое количество позиционных вариантов, смежных с артикуляционной и акустической точек зрения.
